

Евгений Хацкельсон

Русский Гамлет

Историческая повесть и очерки

Евгений Хацкельсон

Русский Гамлет. Историческая повесть и очерки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28265234

ISBN 9785449012647

Аннотация

Книга является сборником произведений, посвященных знаменитым деятелям и важным событиям в российской и зарубежной истории: Павел Первый, Жанна д'Арк, Максимилиан Робеспьер, Жак де Молэ, Томас де Торквемада, Александр VI и Чезаре Борджа, неистовый Савонарола, Охота на ведьм в обезумевшей Европе. Центральным произведением является повесть о русском императоре Павле Первом, выдающемся и благородном человеке с трагической судьбой, которого еще при жизни современники называли русским Гамлетом.

Содержание

Русский Гамлет

5

Конец ознакомительного фрагмента.

82

Русский Гамлет Историческая повесть и очерки

Евгений Хацкельсон

© Евгений Хацкельсон, 2017

ISBN 978-5-4490-1264-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русский Гамлет

Император Павел Первый

*Бывает, словом, что пустой изъян,
В роду ли, свой ли, губит человека
Во мненье всех, будь доблести его,
Как милость божья, чисты и несметны.*

Вечером 11 марта 1801 года российский император Павел Первый находился в своем любимом Михайловском дворце, в Общем Столовом зале, в самом близком кругу. За ужином присутствовали императрица Мария Федоровна, царицы Александр и Константин, принцесса Виттенберг, княгиня Доротея Ливен, графиня Головина, граф фон дер Пален, князь Юсупов и некоторые другие высокопоставленные лица. После ужина был концерт, пела знаменитая французская актриса мадам Шевалье. Ее глубокий бархатный голос удивительно сочетался с необычайной грацией и красотой. Густая копна светло-каштановых волос, большие васильковые глаза, правильные черты лица и гибкое подвижное тело сразу же приковывали к себе внимание любого мужчины, а женщин заставляли досадовать и ревновать. Она имела оглушительный успех в России, ее пением хотели наслаждаться все. Но если бы кто-то совершенно посторонний мог взглянуть в этот момент на собравшееся в уютной зале высшее общество империи, его бы удивило, что модную певицу практически никто не слушает. Бедная мадам Шевалье напрасно старалась, напрягая голосовые связки. Император, который обычно был в таком восторге от этой дамы, сейчас был рассеян, и на его лице время от времени появлялось недовольное выражение. Цесаревич Александр был, казалось, ни жив, ни мертв. Он сидел с каменным лицом, порой украдкой бросая взгляд на графа Палена. Как ни стран-

но, но благодушный и спокойный вид генерал-губернатора Санкт-Петербурга нисколько не успокаивал наследника престола. Наоборот – он бросал его в озноб, от которого у Александра чуть ли не начинали стучать зубы.

– Что с вами творится сегодня, Ваше Высочество? – ласково обратился к нему император.

– Прошу прощения, Ваше Величество, – с усилием ответил Александр, – у меня легкое недомогание. У меня почти пропал голос.

Общий Столовый зал Михайловского замка

Цесаревич, и впрямь, говорил осипшим от волнения и страха голосом. Ему было, чего бояться. Его подпись

стояла под документом, на основании которого его можно было арестовать за государственную измену. В титуле сего документа, содержащего полный список заговорщиков, недвусмысленно было написано о намерении сместить Павла Первого с престола и поставить на его место Александра. О том, что бывает с наследниками престола и за меньшие прегрешения перед государем, цесаревич прекрасно помнил на примере несчастного Алексея Петровича, жестоко умерщвленного в Петропавловской крепости. Более того, он знал, что развязка должна произойти именно сегодня, в ночь с 11 на 12 марта. Он сам предложил графу фон дер Палену это время для переворота, потому что знал, что в эту ночь Михайловский дворец охраняет третий батальон Семеновского полка, его полка, чей командир предан ему лично.

Видит Бог, он до последнего всему этому сопротивлялся. Он противился, когда бабушка в свое время пыталась передать ему трон, минуя Павла. Он даже рассказал отцу об этих попытках, и во многом именно благодаря его, Александра, позиции они не увенчались успехом. Его батюшка взошел на престол, и вскоре против него начались интриги.

Этого следовало ожидать! Попытки Павла коренным образом реформировать всю государственную систему вызывали горячий протест у дворянства. У них уменьшались

доходы, их бесконтрольная власть над крестьянами жестко ограничивалась, они теряли свои синекуры. Привыкших к безделью и роскоши гвардейских щеголей заставляли исправно служить или выбрасывали со службы вон. Под барабанный бой и свист рассекающих воздух шпирцутенов суровый император насаждал в стране строгий порядок и дисциплину, решительно искореняя казнокрадство, лихоимство, чиновничий и помещичий произвол, служебную халатность и разгильдяйство. Ушли в прошлое балы, на которых дамы в роскошных платьях кружились в танцах с красавцами в гвардейских мундирах. Вместо них теперь проводились военные парады, а не угодивший императору своей выправкой полк мог прямо с плаца отправиться в Сибирь. Да, был такой случай, когда полк промаршировал мимо Павла в Сибирь. Потом, правда, Павел остыл и данный стгоряча приказ отменил. Естественно, действия царя вызывали у дворянства ужас и озлобление. Крепло мнение, что он душевнобольной.

Цесаревич тоже иногда думал, что его отец сошел с ума. Все чаще он задумывался над словами бабушки, которая много раз говорила ему, что Павел трона не достоин, и что она хочет видеть на престоле российском именно его, Александра. Правда, простой народ любит царя, но что такое этот народ, и кому вообще интересно мнение простого люда? Монарх должен быть выразителем интересов просвещенного дворянства.

Во времена правления Екатерины русское дворянство

ощутило себя полновластным хозяином страны. Дворяне могли делать все, что им заблагорассудится, это был их «золотой век» и их свобода. Манифест «О вольности дворянской» императора Петра Третьего освободил их от обязательной государственной и военной службы, а свергнувшая мужа Екатерина даже не подумала этот манифест отменить. Крестьяне ждали, что теперь и их освободят от крепостного права, и это им казалось разумным и правильным, поскольку крестьяне служат дворянству, потому что оно служит государству. Не тут-то было! Крестьян закабалили еще больше. Согласно указу государыни крепостного теперь можно было отправить на каторгу всего лишь за жалобу на своего помещика. И отправляли, и ноздри рвали, и слово «ВОР» на лбу выжигали. А как еще, скажите на милость, поступать с этими животными? Бабушка была права! Жестокий пугачевский бунт и беспощадное его подавление властями только подтвердил ее правоту. С этим народом иначе нельзя. Народу нужна строгость, а дворянству – вольность. Это и был «золотой век». А что теперь? Деспотизм монарха, постоянные придирки, страх, уныние и всеобщее озлобление. Ах, право, было бы лучше для всех, в том числе и для батюшки, если бы бабушке удалось еще тогда осуществить свое намерение!

Великий князь Александр Павлович в юности

Как она любила своего старшего внука, как лелеяла, с какой надеждой на него смотрела! Рожденный от ненавистного мужа сын ее все больше раздражал. Она его отправила с глаз долой в Гатчину. Пусть там устраивает свои парады! Но внуков она отдать не захотела. Ни ему, ни простоватой невестке, которая была, по ее словам, разве что «мастерицей детей делать». Екатерина поступила с сыном и невесткой точно так же, как с ней когда-то поступила императрица Елизавета. Она лично прививала им хороший вкус и обучала манерам, воспитывала на идеях французских просветителей, сама составила для них «бабушкин алфавит», на котором они обучались грамоте. Свобода, либерализм, конституция, просвещение – все эти слова для Александра не были пустым звуком. Когда он сам станет царем, он обязательно по-

дарит стране либеральную конституцию, которая установит в России просвещенную ограниченную монархию при сильном парламенте, как в Великобритании. Он убежден, что английская политическая система должна быть примером для всего мира. Разве можно забыть, как они с бабушкой вдвоем читали сочинения Дидро, Руссо и Вольтера, как вместе разбирали по параграфам конституцию молодой французской республики? Как красиво и гордо звучат эти слова – «свобода», «равенство», «братство»! А отец ненавидит «якобинскую ересь» и предлагал матери силой русского оружия уничтожить «ядовитый рассадник злодейства и хаоса», в который превратилась Франция. Александр знал, что ответила ему бабушка. *«Вы плохо кончите, сын мой, если будете пытаться силой оружия бороться с идеями!»* – так сказала Екатерина Великая. Воистину, это была великая просвещенная государыня, и она была права относительно своего сына, если только... Александр посмотрел на графа фон дер Палена. Если только вот этот человек не арестует сегодня его самого вместе с матушкой и не отправит в Шлиссельбургскую крепость. А он может!

– Вот как! Пропал голос! – повторил Павел. – В таком случае Вам нужно обратиться к нашим лейб-медикам. Легкое недомогание сегодня может вылиться в серьезную болезнь

завтра. Не так ли, Ваше императорское величество?

Мария Федоровна вздрогнула. Весь вечер ее нервы были напряжены до крайности. Что он имеет в виду? Сделав огромное усилие над собой, она улыбнулась и кивнула августейшему супругу.

– Я уверена, Ваше Величество, что наш сын непременно последует Вашему совету.

– У нас с Вами послушный и любящий сын. Не так ли? – улыбнулся ей Павел одними губами.

У императрицы закружилась голова. В словах, глазах и голосе царя ей почудилась насмешка и скрытая угроза. Она знала о подписи цесаревича, и ее подпись тоже была на этом страшном списке. Однажды она уже предала своего мужа, когда уступила уговорам свекрови и поставила свою подпись на документе, лишающем ее мужа права на российский престол.

Императрица Екатерина не любила сына, но зато боготворила своего старшего внука, ему она и хотела передать корону. Завещание императрицы сгорело в камине, а вместе с ним и свидетельство предательства Великой княгини. Видит бог, она всегда искренне любила мужа, но ей не хотелось, чтобы он взваливал на свои плечи тяжкое бремя власти. Мария Федоровна родила мужу десятерых детей. Последний, Михаил, родился уже тогда, когда их семья стала августейшей. Она всегда была верна супругу и делала все, что в ее

силах, чтобы он был счастлив в браке. Именно счастливый брак стал утешением и отдушиной для наследника, третьего при дворе и унижаемого фаворитами Екатерины. И как же он отплатил ей за любовь и преданность? Своей открытой связью с молодой красавицей Анной Лопухиной, как две капли воды похожей на его первую жену, он оскорбил ее как женщину. Нет, она молчала и не упрекала своего венценосного супруга, хотя весь двор знал о фаворитке, которая вышла замуж за князя Гагарина. А теперь еще вот эта сладкоголосая кокотка, мадам Шевалье! А потом граф фон дер Пален, этот страшный человек, показал ей документ, на котором стояла подпись ее старшего сына. Граф уверял, что жизни императора ничто не грозит, его просто отстранят от власти и передадут ее Александру, а вот ее любимый сын, подписав документ, теперь действительно подвергается опасности как первейший заговорщик. И тогда она тоже поставила свою подпись.

Императрица Мария Федоровна

– Вы правы, Ваше Величество! – заставила себя непринужденно улыбнуться супругу Мария Федоровна. – А сейчас надеюсь, что чудесный голос мадам Шевалье улучшит расположение духа нашего сына. Ее пение божественно! Не так ли, сын мой?

– Да, матушка! – Александр заставил себя поднять голову,

посмотреть на певицу и улыбнуться.

Меньше всего цесаревичу сейчас хотелось улыбаться, но и выказывать свое близкое к обмороку состояние было никак нельзя. Он попытался отвлечься и сосредоточиться на мадам Шевалье. Про нее было известно, что она завоевала признание самой взыскательной публики Лиона, Парижа, Гамбурга и Санкт-Петербурга, немного поиграла в революцию, пела в итальянском театре в Париже, после 9-го термидора эмигрировала в вольный ганзейский город Гамбург и покорила там сердце герцога фон Мекленбург-Шверинского, подарившего ей чудесный перстень с огромным бриллиантом. Самые могущественные и богатые мужчины Европы были готовы исполнять ее малейшие капризы и делились с ней самыми сокровенными тайнами. Может быть, правду говорят о том, что она шпионка Бонапарта? Вскоре после приезда в Россию эта замужняя дама открыто стала любовницей царского любимца, егермейстера Ивана Павловича Кутайсова, который с невероятной роскошью обставил ей особняк на Фонтанке. Очень скоро мадам Шевалье обрела немалый вес в петербургском обществе и составила себе изрядное состояние. Ее расположения искали, а за ее протекции были готовы щедро платить. В конце концов, на нее обратил внимания сам император и сделал своей фавориткой, не отдалив от себя, впрочем, и Анну Лопухину-Гагаринову. Кутайсов с тех пор получил от мадам Шевалье отставку,

хотя она и родила от него ребенка и, говорят, искренне его любила. А любит ли она императора? Вряд ли. Зато ходили слухи, что он собирался развестись с матушкой и сделать государыней мадам Шевалье! Если так, то это просто чудовищно. От этой мысли Александра захлестнуло возмущение, его щеки порозовели, и ему, как ни странно, даже стало немного легче.

– Мадам Шевалье лучше всего удаются на сцене образы невинных дев, – с усмешкой бросил князь Николай Борисович Юсупов. Именно он в свое время и определил заморскую диву на императорскую сцену.

– Но при этом говорят, что сбор от комической оперы Дездема «Алексис и Жюстина» в 98-ом году, где она была в образе простолюдинки, превысил тысячу двести рублей, – заметил граф Пален.

Мадам Шевалье в сцене из комической оперы «Поль и Виргиния»

Мария Федоровна с тревогой посмотрела на генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Тот, как всегда, был абсолютно спокойным и добродушным, сейчас он выглядел, пожалуй, даже веселым. Как удивительно его внешность и манера себя вести не соответствует его внутренней сути! В его руках сейчас все: жизнь императора, жизнь цесаревича и самых первых вельмож в государстве, и жизнь ее, Марии Фе-

доровны, тоже. Она знала, что в числе заговорщиков оказались такие люди, как князя Долгорукий и Волконский, бывший вице-канцлер граф Никита Панин, командир кавалергардов граф Уваров, командир Преображенского полка генерал-лейтенант Талызин, командир Семеновского полка Депрерадович, братья Аргамаковы, старший из которых был комендантом Михайловского замка, генералы Бенигсен и Тучков. Что уж там говорить о возвращенных из ссылки братьев Зубовых! Несколько сотен человек были вовлечены в этот гигантский заговор, душой и организатором которого был граф Пален. Страшные тучи нависли над головой Павла и готовы разразиться молнией. Но молния также может ударить и по тем, кто замыслил выступить против царя. Никто точно не может знать, что произойдет, а могущество Палена стало теперь абсолютным.

Как могло получиться, что этот хитрый и жестокий интриган получил необъятную власть в государстве и полное доверие императора? Вот уж воистину пригретая на груди змея! И еще Мария Федоровна беспокоилась о том, не ведет ли этот человек двойной игры. В последние дни император разговаривает с ней очень странно. Вот и сейчас он смотрит на нее, прищурившись. На губах полуулыбка, а в глазах леденящий душу холод. Как бы ей хотелось, чтобы вернулись те времена, когда они доверяли друг другу, когда он видел в ней свою опору, а она в нем – своего защитника!

В прежней жизни ее звали София Мария Доротея Августа Луиза фон Виттенберг-Монбельяр. Она родилась 25 октября 1759 года в Штеттине, в том же самом городе, где за 30 лет до этого появилась на свет Екатерина Вторая, ее будущая свекровь. Ее мать, София Доротея Мария, приходилась сестрой самому Фридриху Великому, королю Пруссии. Ее отец, Фридрих Евгений фон Виттенберг был младшим сыном в семье, потому не мог рассчитывать на богатое наследство. В молодости он верно служил Фридриху Второму, и тот в награду за безупречную службу отдал ему в жены свою племянницу. Таким образом, в жилах у младшей Софии Доротеи текла королевская кровь, и она могла стать невестой для любого принца. Ее детство и юность прошли в маленьком, но уютном графстве Монбельяр, полученным Фридрихом Евгением в подарок от брата, правящего принца Виттенберга.

Это был чудесный зеленый оазис посреди леса. Небольшой дворец с восьмиконечной башенкой стоял в долине реки с прозрачной и чистой водой, полной рыбы, а из окон его можно был любоваться живописным видом вершин горной цепи Вогезов, расположенной на северо-востоке Франции. Ее отец, приведя в порядок дворец, построил еще один замок в поселке Этюп, который тогда еще принадлежал графству Монбельяр. Там, на природе, среди простых и добрых

людей, играя с подружками в заросших садах и прогуливаясь по цветущим полям, и провела свое отрочество София Доротея, будущая российская императрица Мария Федоровна.

Цесаревич Павел Петрович не произвел на нее особого впечатления 12 июля 1776 года, когда ее впервые представили будущему супругу. Молодой человек невысокого роста, ниже ее на целых полголовы, курносый, молчаливый. В то время он еще очень переживал смерть при родах своей жены, Натальи Алексеевны, в девичестве Августы Вильгельмины Луизы Гессен-Дармштадтской. Позже она узнала, что молодая супруга изменяла ему с другом его юности, графом Андреем Разумовским. Об этом Павлу открылось уже после ее смерти, когда мать дала ему прочитать любовную переписку Натальи с Разумовским. Поначалу Павел был в отчаянии. Вновь и вновь он перечитывал эти ужасные письма, в которых его лучший друг советовал его жене «терпеть уroda» ради их любви. Выяснилось, что когда чета великих князей, приглашала на ужин графа Разумовского, любовники подсыпали Павлу в бокал немного настойки опия, и он засыпал прямо за столом с десертом. Было ли так и не родившееся у Натальи Алексеевны дитя ребенком великого князя, а не Разумовского? Этого никто точно не мог сказать. Зато она могла ручаться, что всем своим детям Павел был настоящим отцом, потому что он был первым и единственным в ее жизни мужчиной. Поначалу ей было жаль великого князя, потом она поняла, какой он ранимый, добрый и благородный

человек, и прониклась к нему симпатией, а затем к ней пришла и любовь.

Наследнику престола тоже поначалу не слишком понравилась невеста, она ему показалась полноватой. Внешностью она уступала красивой и яркой Вильгельмине, но вскоре Павел осознал, что с этой девушкой у него не будет никаких проблем, и что душой она свежа и чиста, как вода в родниках ее родного Монбельяра.

София Мария Доротея Августа Луиза фон Виттенберг-Монбельяр, будущая императрица Мария Федоровна

26 сентября 1776 года София Доротея отреклась от лютеранства и приняла православное имя. Началась ее семейная жизнь с Павлом, который оказался так разительно не похож на свою мать. У них был свой небольшой дворец на Каменном острове, где они принимали гостей, устраивали ночные

спектакли и балеты, в 1778 году Екатерина подарила сыну село Павловское на извилистых берегах реки Славянки. Так появился город Павловск, в котором архитектором Камероном был возведен красивый каменный дворец в стиле палладианской виллы. А уж позже Виченцо Бренна построил в нем парадные залы и разбил вокруг дворца большой парк, который сам по себе является произведением искусства.

Стоит ли говорить, что великой княгине пришлось по сердцу тихий и уютный зеленый Павловск? Там они проводили все лето на природе в тишине и спокойствии, в трогательном единодушии и согласии. А зимой чета великих князей была вынуждена возвращаться в Санкт-Петербург, где двор императрицы шокировал ее своими распущенными нравами. Впрочем, пример подавала сама Екатерина Вторая, чьи альковные дела и имена фаворитов нисколько не скрывались от общества, а служили главной темой для светских бесед: Салтыков, Понятовский, Орлов, Васильчиков и, наконец, самый главный из них – Григорий Потемкин, которого ее супруг ненавидел. Да Мария Федоровна и сама терпеть не могла Потемкина и всю его «мерзкую клику», как она писала в своих письмах близким друзьям, но она не могла себе позволить показывать Павлу свои истинные чувства. Она должна была беречь и успокаивать его нервы.

Как часто Павел возвращался домой, взбешенный оскорблениями фаворитов матери. Бывало, что припадки гнева буквально душили его, и только слова и ласки жены его

спасали и укрощали бушевавшую в его душе бурю. Ее любовь была для униженного цесаревича спасительной гаванью, а уже через год и два месяца после заключения их счастливого брака на свет появился прелестный и очаровавший решительно всех плод этой любви – маленький Александр Павлович.

Мария Федоровна с нежностью посмотрела на сына. Он по-прежнему сидел в оцепенении. Бедный мальчик, подумала она, он так переживает, что на нем лица нет. Как ужасно, что ей пришлось делать выбор между мужем и сыном! Ей остается теперь только молить Бога, чтобы все остались живы и здоровы. Но простит ли ей супруг когда-нибудь ее предательство? Александр заметил взгляд матери и ободряюще ей улыбнулся. Ужас неизвестности должен закончиться сегодня ночью. Если граф Пален предатель, то его, Александра, уже ничто не спасет. Матушка еще может рассчитывать провести остаток своих дней в каком-нибудь монастыре, а его отец не помилует. Наследником престола станет его брат Константин, который ни о чем не подозревает. А его в лучшем случае тихо убьют в каком-нибудь каземате Петропавловской крепости.

Как могло получиться, что он ввязался в такую опасную и противную ему самому игру? Конечно, он с детства на-

учился лицемерить и лавировать между различными силами. Он отлично видел, как бабушка и ее двор относятся к его отцу, и как отец относится ко двору и к фаворитам Екатерины, сохраняя, впрочем, внешнюю почтительность к матери. Цесаревич с юности обладал безупречными манерами. От матери он унаследовал мягкую немецкую красоту, а от отца – живой и острый ум, прекрасные способности к языкам и наукам. Высокий стройный светловолосый голубоглазый молодой человек с утонченными манерами и врожденной изящностью в движениях, которой так восторгалась его бабушка, Екатерина Великая. Она сама дала ему образование, готовя к престолу.

Его ответы учителям всегда было точны, кратки и остроумны. Философией с ним занимался Фредерик Сезар Лагарп, известный швейцарский революционер и республиканец. Лагарп с восторгом принял французскую революцию, и в самый разгар якобинского террора отсылал из Санкт-Петербурга свои статьи во французские газеты. Вместе с ним Александр мечтал об установлении в России республиканской формы правления. Лагарп сделал из Александра убежденного либерала. Могло ли это понравиться Павлу?

В 16 лет подростка женили на четырнадцатилетней принцессе Луизе Марии Августе Баденской, ставшей в православии великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Девушка была образована, мила и красива, но ветрена, вокруг нее постоянно крутились молодые люди, которые осмеливались

неуважительно отзываться о государе. О ее любовной связи с польским князем Адамом Чарторыйским знали решительно все, и это нисколько не смущало ни великую княгиню, ни ее либерально настроенного супруга. Сурового свекра она не любила, боялась и постоянно убеждала мужа в том, что именно он должен быть императором, как того и желала Екатерина Великая.

Великая княгиня Елизавета Алексеевна

– А как же батюшка? – спрашивал он красавицу-супругу.

– Ах, да что с ним сделается, с вашим батюшкой! Вы же станете регентом при невменяемом государе, который после переворота будет тихо и мирно жить в своем любимом Михайловском дворце.

Александр хотелось верить, что все именно так и будет. Да и граф фон дер Пален, убеждая его поставить подпись на документе, говорил, что только так можно сохранить жизнь его отцу, что другая группа заговорщиков обойдется с ним гораздо более сурово.

– Полноте, граф! – морщился Александр. – Ну, какая еще другая группа?

А мысленно добавлял, что если и обойдется, то он к этому никакого отношения иметь не будет. Нет, он решительно не желал принимать участия в заговоре до тех пор, пока Павел сам не подтолкнул его к этому, пригласив в Санкт-Петербург из Вюртемберга племянника Марии Федоровны, 13-летнего принца Евгения. Государь ласково встретил его, выказал желание усыновить и даже недвусмысленно намекал, что видит именно в нем наследника престола. Это уже переходило все границы! И тогда Александр поставил свою подпись в документе, в очередной раз принесенном ему графом фон дер Паленом.

Императрица беспокоилась не зря. Павел знал о списке заговорщиков и держал его в своих руках. С огромной ду-

шевной болью он увидел в нем подписи жены и сына. Как они могли пойти на это? Он посмотрел на Марию Федоровну. Она заметила его взгляд и попыталась улыбнуться, но губы ее чуть заметно дрожали. Раскаивается в содеянном? А он ведь долгие годы верил ей, верил, как себе, доверял ей свои самые потаенные мысли. Император перевел тяжелый взгляд на Александра. Старший сын по-прежнему сидел, уставившись в одну точку. Павел понял, что сегодняшний вечер является для Александра мукой. Он уже наказал себя этим страхом, а то ли еще будет! Может ли он теперь проявить великодушие и простить членам своей семьи умысел на государя? Как ужасно, что его предали самые близкие люди. В свое время его уже предала родная мать, которую он когда-то очень любил.

Она унижала его, позволяла над ним издеваться своим многочисленным любовникам, поднимала на смех его проекты, не допускала к управлению государством и армией, а потом и вовсе задумала лишить его права наследовать за ней трон. Да ведь она с самого начала узурпировала трон, свергнув его отца, императора Петра Третьего! Подобно принцу Гамлету, герою знаменитой и так любимой им пьесы Шекспира, Павел был лишен трона, который должен был перейти к нему после смерти отца. И так же, как Гамлет, он страшно переживал и мучился в сомнениях: уж не убила ли отца его мать? Гамлет не мог поднять своей руки на мать, он мог лишь горько укорять ее и призывать к покаянию. «Сло-

*ва твои, как нож, мне режут слух!»*¹ – кричала ему Гертруда. А он, Павел... Он даже ничего не мог сказать своей царственной матери. Всегда почтительный сын, целующий ей руку, терпеливо ждущий аудиенции, безропотно сносящий насмешки придворных, живущий в своем внутреннем мире и мечтающий изменить государство так, чтобы оно стало царством мира, порядка и справедливости. А отца его, между тем, убили. И убили жестоко.

Отец его, носивший до принятия православия имя Карл Пётр Ульрих, был внуком Петра Великого по линии его дочери Анны, вышедшей замуж за герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Таким образом, Павел приходился великому русскому царю правнуком. Императрица Елизавета Петровна выписала своего племянника из Голштинского герцогства и сделала его наследником российского престола, хотя у нее самой было множество детей. В феврале 1742 года Петер прибыл на берега Невы и предстал перед ее императорским величеством. Это был хилый болезненный и не очень умный человек, обожавший военную форму, парады, и все прусское. Его кумиром был прусский король Фридрих Второй, которому он подражал даже в мелочах. Елизавета не была в восторге от своего племянника, ко-

¹ В. Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт 3, сцена 4.

торый не отличался прилежанием в учебе, ничем серьезным не интересовался, предпочитая игры с оловянными солдатами. Другой его страстью была псовая охота. Но решение было принято. Карл Петер принял православие в ноябре того же года, и по всей стране во время церковных служб загремели «многия лета» наследнику престолу великому князю Петру Федоровичу.

Великий князь Петр Федорович

Теперь его надо было женить, и с выбором невесты для великого князя помог Фридрих Второй. В 1743 году король рекомендовал Елизавете свою прелестную племянницу Софию Августу Фредерику, которую в семье называли просто Фикхен. Фридрих уверял, что она красавица и умница. В первом Елизавета могла убедиться сама, получив ее портрет, сде-

ланный придворным живописцем по заказу самого короля. Родовым имением будущей императрицы Екатерины Второй было немецкое княжество Ангальт-Цербст, а родилась она в Штеттине, где в семействе герцога Ангальт-Цербстского императрицу всея Руси за просто называли теткой Эльзой.

Милая Фикхен вместе со своей матерью, герцогиней Иоганной Елизаветой, прибыла в Санкт-Петербург, где была представлена императрице и произвела на нее благоприятное впечатление своей скромностью, соединенной с острым умом. Нравился ли ей жених? Ни в малейшей степени! Но зато ей нравилась российская корона, которая со временем должна была украсить его голову. Нет, не за семейным счастьем она прибыла в Россию. Да разве его мог бы ей дать этот инфантильный, нескладный, умственно и духовно ограниченный молодой человек с его нелепой страстью к охоте, оловянными солдатикам и собачьим сворам? Перед путешествием в далекую Россию у нее была важная встреча с королем Фридрихом, который дал племяннице бесценные советы о том, как себя следует вести при дворе тетушки Эльзы и с ней самой. Он сделал на Фикхен свою ставку. Эта хрупкая и красивая улыбчивая девушка, обладавшая острым умом и решительным волевым характером, до поры спрятанным ею за маской благопристойной кротости и приветливости, должна была принести на восток с запада свет и просвещение, а заодно... Да, и заодно позаботиться о соблюдении в российской империи интересов своего дядюшки. А как же

иначе? Ему, впрочем, Фикхен ничего конкретного обещать не могла. Она должна для начала укрепиться в российском дворе, а там будет видно.

София Фредерика приняла православие и русское имя Екатерины Алексеевны, а 25 августа 1745 года в соборе Казанской богородицы состоялось ее венчание с великим князем Петром Федоровичем. Так судьба рукою любимой «дщери Петровой», императрицы Елизаветы, соединила этих двух столь чуждых друг другу людей для того, чтобы на свет появился Павел.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна

Великая княгиня Екатерина родила сына 20 сентября 1754 года в присутствии мужа, императрицы и братьев Петра и Александра Шуваловых. Едва младенец появился на свет,

был обмыт повитухой и окроплен святой водой, им завладела Елизавета Петровна, которая обвязала дитя муаровой лентой ордена Андрея Первозванного и унесла, чтобы показать наследника престола толпившимся в залах дворца придворным. Молодая мать осталась лежать одна, мучаясь от жажды и холода в промозглой сырой комнате под тонким, насквозь промокшим от пота одеялом, и целых три часа на нее никто не обращал никакого внимания. После этого она заболела настолько серьезно, что не смогла присутствовать при крещении сына. Молодой организм справился с тяжелым недугом, но Екатерина с тех пор отчетливо осознала, что произведя на свет наследника престола, она выполнила возложенную на нее императрицей задачу, и больше уже, по большому счету, никому не нужна.

Когда ей в первый раз принесли ребенка, она испытала к нему прилив нежности, но мальчика очень быстро забрали. Елизавета Петровна заявила родителям, что их сын принадлежит не им, а империи. Она же нарекла ребенка Павлом в честь своего умершего в младенчестве брата, первого ребенка Екатерины Первой.

Если у Екатерины Алексеевны и были природные материнские чувства к сыну, то императрица сделала все, чтобы их заглушить. Кроватку с малышом она поставила в своей спальне и брала его на руки, стоило ему заплакать. Ребенком занимались кормилицы, няньки и фрейлины, которые с рвением ухаживали за ним, страшась гнева Елизаветы, если он

вдруг чихнет или кашляет. Его перекармливали, чрезмерно укутывали, и ребенок страдал от жары. Преувеличенная, напускная забота придворных дам не могла скомпенсировать ему отсутствие материнской любви, а Екатерина смирилась со своей участью и не протестовала против разлуки с сыном. Да это было бы и совершенно бесполезно.

С раннего детства у Павла остались воспоминания о том, как мать ненадолго приходила к нему, обдавая тонким ароматом духов, ласково брала его на руки, одетые в душистые перчатки. Несколько минут он слышал ее обращенный к нему нежный голос и чувствовал ее живое родное тепло. Но потом она отдавала его нянькам и удалялась, а он заходился в безутешном плаче, и никто не мог понять его горя. Миллионы простых крестьянских детей были счастливее его, несчастного маленького князя, лишенного материнской ласки. Может быть, оттуда, из раннего детства, истоки его деспотизма и сурового властного характера?

Его раннее детство прошло в роскошных дворцах, среди придворных и послов, которые приветствовали его согласно протоколу, а также среди воспитателей и матрон. Императрица все реже вспоминала о своем «дорогом малыше», поглощенная балами, нарядами, приемами и праздниками. Она назначила ему в воспитатели князя Бехтева, который принялся вдавливать в голову маленькому князю основы военной службы. Даже алфавит у Павла был в виде оловянных солдатиков, а на уме были лишь парады, марши и ба-

тальяоны. К счастью, двоюродная бабушка вовремя опомнилась, когда поняла, что из цесаревича хотят сделать второго Петра Федоровича, и сменила воспитателя, назначив на этот пост графа Никиту Ивановича Панина. Павлу впервые в жизни повезло: его наставником стал умный и широко образованный человек, приверженный идеям просвещения. Он сразу разглядел в своем юном воспитаннике человека гордого, но доброго и великодушного, да еще и обладающего прекрасными способностями.

Граф Никита Иванович Панин

Граф Панин увидел в возложенной на него Елизаветой Петровной задаче высокую миссию: воспитать для России идеального правителя, который приведет свою страну к благоденствию и процветанию. Он полюбил этого ранимого ребенка, который с самых младых ногтей, будучи лишен родительской любви и обладая при этом поразительной наблю-

дательностью, научился замечать малейшую фальшь и лицемерие. Его мнительность, подозрительность и боязнь перемен были вызваны условиями, в которых он жил, а его великодушие, доброта, честность, любознательность и серьезность были чертами его натуры, которой его одарила природа. Подчас граф Панин удивлялся, как у такого недалекого и бесталанного человека, каким был Петр Федорович, мог родиться такой во всех смыслах одаренный ребенок. А может, вовсе не великий князь был ему отцом? Кто знает! Никита Иванович привязался к своему воспитаннику и старался дать ему все, что мог, а маленький князь полюбил своего наставника, заменившего ему родителей, наивной и преданной детской любовью.

Великий князь Павел Петрович в детстве

Граф Панин был тесно связан с масонами. Его брат Петр Иванович был великим поместным мастером масонов в России, да и сам он считал братство «вольных каменщиков» идеальной организацией для конечного установления на земле будущего Царства света, справедливости и добра, о котором он рассказывал Павлу. В этом царстве не будет места для несправедливости, религиозной и национальной розни. Массонство тогда привлекало многих выдающихся людей, никаким гонениям оно не подвергалось, а многие власть предержащие входили в него и возглавляли масонские ложи. Первыми масонами в России стали император Петр Первый, его первейшие любимцы Франц Лефорт и Александр Меншиков, генерал-адмирал Федор Апраксин, знаменитый чернокнижник Яков Брюс, архиепископ Прокопович, генерал-фельдмаршал Шереметев, князья Черкасский и Голицын. Тайные заседания ложи проходили в Сухаревской башне. В европейском масонстве состояли принцы и герцоги, знаменитые полководцы и флотоводцы, архитекторы и композиторы, писатели и ученые. Великие философы-просветители – Вольтер, Дидро, Локк, Руссо – принадлежали к различным масонским ложам, масонами были и такие гении, как Моцарт и Гете.

От наставника подросший Павел усвоил принцип терпимости и уважения к чужим религиям и верованиям. У Павла не было оснований не любить масонов до тех пор, пока внедрившиеся в их структуры иллюминаты не устроили во Фран-

ции свою кровавую революцию. Оттуда же, из рассказов Панина о масонской всемирной организации, позаимствовавшей организационную структуру у разгромленного в 14-ом веке ордена Тамплиеров, пошли истоки его интереса к рыцарским орденам, который имел серьезные последствия.

Елизавета Петровна умерла 5 января 1762 года, Павлу тогда шел девятый год. Императрица скончалась на святки, когда вся страна предавалась веселью. Ее наследник, Петр Федорович, печалился о смерти тетушки недолго: едва закончилась официальная церемония сообщения о смерти императрицы и объявления его императором всея Руси Петром Третьим, он пригласил придворных к накрытым столам в соседней к покоям усопшей императрицы комнате, где и началась веселая святочная пирушка. *«Расчетливость, Гораций! С похорон на брачный стол пошел пирог поминный»*². Многих шокировал этот цинизм, но они молчали и изображали веселье. Смерть Елизаветы пришлось очень кстати великому князю, ибо он своим поведением и доходящим до абсурда поклонением дядюшке Фридриху надоел ей настолько, что она готовила указ о назначении своим наследником Павла Петровича. Умерла она скоропостижно, в возрасте всего 52-х лет, при этом ничем до этого серьезным не болела. Симптомы ее болезни были подозрительны и указывали на возможное отравление.

² В. Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт 1, сцена 2.

Императрица Елизавета Петровна

Главным приобретателем выгоды от смерти российской государыни оказался Фридрих Второй, неутомимый король Пруссии, с которой в это время шла жестокая и кровавая Семилетняя война. Огромные потери в людях и территории поставила Фридриха перед лицом ужасной катастрофы. Спасти его королевство от полного уничтожения победоносной русской армией мог только сепаратный мир с Россией, и он получил этот вожаденный мир, когда его племянник вошел на российский престол. Результат смерти непримиримой к нему Елизаветы, поклявшейся в свое время разгромить Пруссию, даже если ей придется для этого продать половину своих платьев, превзошел его самые смелые ожидания. Не прошло и недели после воцарения Петра Третьего, как тот заключил с Пруссией мир, который называли Петербургским, предав союзную Францию и Австрию. Он еще

и предоставил в распоряжение своего кумира целый корпус под командованием графа Чернышёва для защиты от австрийцев. Более того, он вернул побежденной стране все захваченные земли, обильно политые кровью русских солдат. Фридрих торжествовал: недаром он в свое время приложил столько усилий, проталкивая в Россию своих протеже. Но сам он был, разумеется, невысокого мнения о царственном племяннике, столь бездарно потерявшем плоды военной победы и вызвавшем этим глухое озлобление аристократии и большинства населения страны.

Насаждение прусских порядков в армии, освобождение дворян от службы, отсутствие самостоятельной внешней политики и, наконец, наступление на права православного духовенства и конфискация монастырских земель вызывали такое возмущение у всех слоев российского общества, что Фридриху было ясно: долго этот император на троне не продержится. Слишком он глуп и прямолинеен. Умница и красавица Фикхен – вот его надежда. Положение и поддержка при дворе Екатерины все более укреплялось, ее обожала гвардия. Она сумела многих очаровать, многих в себя влюбить, многим вселить надежду на улучшение личного положения в случае ее воцарения на российском престоле.

Отношения между супругами, между тем, все ухудшались. Царь вполне мог развестись с женой, упрятать ее в монастырь, а самому жениться на своей фаворитке, Елизавете Воронцовой. И повода для этого даже искать было не на-

до: весь двор знал о том, что Екатерина родила сына Алексея от своего любовника Григория Орлова. Но дядюшка Фридрих прямо запретил Петру Третьему сделать это, и тот со смирением повиновался, встав тем самым на путь собственной гибели.

Петр Третий с супругой Екатериной

Дворцовый переворот свершился 28 июня того же 1762 года в Петербурге, когда Петр III находился в Петергофе. Екатерине присягнула гвардия и все войска столичного гарнизона, в Казанском соборе она произнесла клятву и была торжественно провозглашена императрицей всяя Руси. Сре-

ди активных заговорщиков был и граф Панин, но он наивно полагал, что Екатерину удовлетворит положение регентши при малолетнем государе Павле Петровиче. Свергнутый император отправился в Ораниенбаум, оттуда попытался выйти со своей свитой в море, чтобы уплыть в Кронштадт, но был задержан и возвращен обратно. Там его бросили самые высокопоставленные лица в свите – князь Голицын, граф Шувалов и князь Трубецкой. Они приехали в Петербург и принесли присягу Екатерине. Вскоре туда же генерал Измайлов привез письменное согласие Петра отречься от престола.

Петр униженно просил царицу, чтобы она позволила ему уехать на Родину, в Шлезвиг-Гольштейн, вместе с Воронцовой. Она, прочитав письмо, вслух заявила, что вопрос подлежит обсуждению, а сама подумала о том, что ее наивный супруг плохо знает историю и язык той страны, которой ему выпало управлять так недолго. В России корону теряют только вместе с головой!

Граф Алексей Орлов, родной брат фаворита новой царицы, и генерал-аншеф Василий Иванович Суворов, отец будущего генералиссимуса, привезли совершенно деморализованного Петра в Петергоф, где он подписал отречение. Оттуда его под конвоем отправили в Ропшу, разрешив взять с собой только любимую собаку и скрипку. Что с ним там делали – неизвестно, но только через считанные дни от Орлова пришло донесение о том, что бывший государь был, якобы, по неосторожности убит во время ссоры своими со-

трапезниками за ужином. *«Прости, матушка милосердная Государыня!»* – слезно просил в этой записке Алексей Орлов, который сам лично и убил несчастного Петра, – *«Свершилась беда, мы все были пьяны, он заспорил за столом с князь Федором, не успели мы разнять, а его уж и не стало...»* Конечно, она милостиво простила родного брата своего любовника. И не только простила, а еще более к себе приблизила, доверяя ему в дальнейшем дела самого щекотливого и сомнительного свойства. Это он, Алексей Орлов, позже обманом заманит на русский корабль и арестует влюбившуюся в него и доверившуюся его слову чести дочь императрицы Елизаветы, красавицу и умницу Елизавету Ивановну, известную под именем княжны Таракановой. В результате его вероломства внучку Петра Великого, имевшую куда больше прав на российский престол, чем Екатерина, будут морить голодом и нещадно бить кнутом в каземате Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Но совесть никогда не мучила графа Алексея Орлова. Он вообще не ведал, что это такое.

Граф Алексей Орлов

Громкие рулады мадам Шевалье и аплодисменты вывели Павла из состояния задумчивости. Он улыбнулся певице, которая сделала для него глубокий реверанс, обвел глазами присутствующих и вытащил из кармана маленький медальон с портретом Петра Третьего. Этот медальон всегда был при

нем. Злая судьба несчастного царя, который был к тому же ему отцом, глубоко трогала его душу, органически не выносившую коварства и несправедливости. Любил ли он отца? Разве можно любить того, кого совсем не знаешь? Он любил придуманный образ, наделенный им добродетелями, но образ этот был очень далек от реального Петра Федоровича. Павел почти не помнил его. В его детских воспоминаниях он остался странным человеком, который ходил подпрыгивающей походкой, иногда подходил к нему и наставлял на него лорнет, как будто рассматривал какое-то редкое насекомое. Мальчику было от этого жутко. Судьба отца тревожила его, как тень отца тревожила Гамлета. «*Отмсти за подлое убийство!*»³ – зывал призрак отца к Гамлету, а вот Павел до самого своего воцарения не знал подробностей гибели своего отца, да и не был до конца уверен, что он, действительно, умер, а не томится неизвестно в каком-нибудь каземате. Одно было очевидно: его насильственно лишили престола, и это было тяжким государственным преступлением.

Когда умерла Елизавета Петровна, мальчик осознал, что его отец стал императором, а он – наследником престола. Наблюдательного и серьезного ребенка поразило, что никто настоящему не был опечален смертью его двоюродной ба-

³ В. Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт 1 сцена 4

бушки. Пожалуй, он был единственным человеком, чьи слезы у смертного одра императрицы были искренними. Все остальные были заняты мыслями о будущих интригах и новом раскладе сил у подножия непрочного трона. Неужели никто, кроме него, не любил усопшую? Эта человеческая черствость и лицемерие так поразили его, что он тогда спросил у графа Панина:

– Скажите, граф, после отца я буду императором?

– Да, Ваше императорское высочество, конечно! – поколебавшись, ответил Панин.

– Это хорошо! – сказал Павел. – Я прикажу, чтобы меня все любили.

Был ли его отец так уж плох как государь? Павел был уверен, что нет. Петр Третий упразднил Тайную канцелярию, прекратил преследования старообрядцев и вообще способствовал веротерпимости в стране, он издал указ, защищающий крепостных крестьян от произвольных убийств помещиками. Он был очень активным императором и отнюдь не пытался отлынивать от государственных дел. За время его 186-дневного царствования было принято 192 документа. Подобная плодовитость будет присуща позже и Павлу Первому. Когда произошел переворот, мальчик постоянно всех спрашивал, где его отец, но ему либо ничего не отвечали, либо отвечали уклончиво, а потом объявили, что батюшка его

скоропостижно скончался, а корону приняла его матушка.

– Но ведь тогда я должен быть теперь императором! – недоумевал Павел.

Впрочем, сказать это он мог только графу Панину, а при царственной матери во время аудиенции он не мог вымолвить ни слова. Она помогла ему.

– Я слышала, сын мой, что вы были удивлены тем, что не стали императором? Но, дитя мое, такая тяжелая ноша сейчас совершенно не для вас. Я вынуждена взять на себя бремя власти, потому что вашему покойному отцу оно оказалось не по силам. Вы еще ребенок, потому не задавайтесь вопросами, не свойственными вашему возрасту. Верьте мне, сын мой, а уж я наилучшим образом позабочусь о вас и о вашем будущем.

Императрица Екатерина Вторая

Павел почтительно поцеловал руку матери и вышел. В тот момент он поверил ей и успокоился. Но потом повзрослевшего юношу вновь начали одолевать мучительные сомнения. Не причастна ли мать к злодейскому убийству отца? Он гнал от себя эти страшные мысли, но он не мог и не понять того, что его незаконно лишили короны. Его мать должна была стать регентшей при малолетнем государе, а не императрицей. Это было незаконно, это была узурпация престола! Но Павел ничего такого никому не говорил, а лишь все более углублялся в свой внутренний мир, мечтая об идеаль-

ном, справедливом для всех государстве, которое он построит, когда получит принадлежащую ему по праву корону. Он не мечтал о власти ради самой власти и справедливо полагал, что до совершеннолетия ему надо серьезно учиться, чтобы стать хорошим государем. Граф Панин бросал свои зерна на благодатную почву. Душа великого князя была возвышена, а помыслы чисты. Правда, иногда он бывал неуравновешенным и резким с окружающими, но всякий раз потом искренне просил прощения и стремился загладить свою вину, и не было в этот момент более приятного в общении и изящного в своей речи собеседника, чем он.

Павел получил глубокое и всестороннее образование, знал множество европейских языков, к математике имел настолько великолепные способности, что, по мнению своих учителей, мог бы стать российским Паскалем. Великий князь изучал труды античных и современных философов, великолепно знал историю. Особенно его увлекла история средневековых рыцарских орденов. Он читал и перечитывал книги об истории Мальтийского и Тевтонского орденов, а также ордена Храма, и перед его внутренним взором появлялись отважные рыцари с крестами на плащах. Они держали в руках тяжелые мечи, преклоняли колена перед боевыми знаменами, отважно бросались в бой против неверных за свои святыни. А если было нужно, то не боялись и взойти на костер за правду и убеждения, как Жак де Молэ, гросс-мейстер ордена Тамплиеров. Если бы ему удалось поставить

на службу государству такой орден, то с ним бы он создал Царство света и справедливости, в котором не будет места лени, казнокрадству, лихоимству, взяточничеству и прочим порокам, которые таким буйном цветом расцвели в России при его матушке.

Не обходил Павел своим вниманием и великого Шекспира. Его любимая пьеса «Гамлет, принц датский» была запрещена к показу в театрах России. Слишком уж явственно прослеживались опасные аналогии с российской действительностью: убийство короля, лишение трона его сына, неблагоприятная роль королевы, матери Гамлета. Мог ли великий князь не примерять к себе роль этого гордого, умного, хитрого, страстного и беспощадного к своим врагам принца, когда он точно также был лишен трона, его отца злодейски умертвили, а сам он все более мучился ужасными подозрениями?

Чем старше становился великий князь, тем все больше он не одобрял существующие порядки и распутные нравы при дворе, так что Екатерина стала посматривать на своего взрослеющего сына с некоторым беспокойством. *«Каким ничтожным, плоским и тупым мне кажется весь свет в своих стремленьях!»* – повторял он про себя вслед за датским принцем, наблюдая за сценами великосветской жизни⁴.

Чтобы отвлечь слишком серьезного юношу от ненужных и опасных размышлений, Екатерина решила ввести его в увлекательный мир любовных приключений, до которых

⁴ В. Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт 1 сцена 2

и сама была большая охотница. Как-то, сидя с сыном в императорской ложе театра, она обратила его внимание на престелную актрису, мадемуазель Кадиш, на ее высокий бюст, длинные стройные ноги и милое личико. О том, что сия девица благосклонно относится к мужскому вниманию и может удовлетворить самые изысканные пожелания кавалеров из высшего света, императрица знала наверняка. Очаровательная мадемуазель Кадиш дала цесаревичу первые уроки любви. Потом у него была мадам де Брюс, верная помощница и поверенная государыни в самых интимных делах, затем ему охотно дарила свое женское внимание милая и уступчивая супруга камергера Талызина, и даже родила от него сына, ставшего впоследствии офицером российского флота. Потом еще одна великосветская замужняя дама – княгиня Софья Чарторыйская – родила от него сына. Ни одна из этих достойных женщин, разумеется, не могла стать для великого князя его Офелией⁵.

Несмотря на все попытки матери его развратить, он по-прежнему оставался в значительной степени юношей целомудренным и душевно чистым, верящим в настоящую любовь, хоть уже и более искушенным в амурных делах. С каждой своей пассивой он был щедрым, ласковым, нежным и искренним, и даже после расставания ни одна из них потом не могла говорить о нем иначе, как в самых превосходных

⁵ Офелия – возлюбленная принца Гамлета, к которой он питал самые возвышенные чувства.

выражениях.

Время шло, нескладный юноша превратился в молодого мужчину, хоть и небольшого роста, но прекрасно сложенного, с царственной грацией в жестах и движениях гибкого тела. Он был круглолицым, курносым и голубоглазым, лицо его редко выражало эмоции, а взгляд часто выражал тревогу и недоверие, но если человек ему нравился, то великий князь становился с ним обаятельным, милым и веселым, как ребенок. Павел любил красоту и роскошь во всем, его дорогая одежда была усыпана драгоценными камнями и золотым шитьем, его тонкие длинные изящные пальцы украшали дорогие перстни, а грудь и запястья – белоснежные и тончайшие батистовые кружева.

Несмотря на наступившее в 1772 году совершеннолетие, мать, разумеется, и не подумала передать ему корону. А между тем, нашлись такие высокопоставленные лица, которые желали, чтобы воцарился Павел Петрович, и даже организовали что-то вроде заговора. Среди них были братья Панины, княгиня Дашкова, которая когда-то активно участвовала в свержении его отца, митрополит Гавриил, князь Репнин, тайный советник Петр Бакунин и ряд других видных вельмож. Павел был в курсе этого дела. Именно Бакунин всех и выдал, передав Григорию Орлову полный список участников заговора против Екатерины. В результате за каждым было установлено тайное наблюдение, на каждого была собрана компрометирующая информация, и каждому было доведено

до сведения, что собранные материалы будут пущены в ход, если он только заикнется о праве цесаревича на престол.

Екатерина вызвала к себе сына и горько, с дрожью в голосе и со слезами на глазах, упрекала его в том, что он замыслил против нее злое дело. Павел мог выдержать упреки царицы, но не слезы матери. Он повинился и передал ей список заговорщиков. Екатерина сделала красивый театральный жест, швырнув этот список в камин, не читая. Она могла себе это позволить, ведь у нее уже был список Бакунина, но Павел этого, разумеется, не знал и был поражен ее великодушием и благородством. Его мать значительно выросла после этого в его глазах, и он поклялся себе никогда больше не пытаться лишить ее трона. Теперь он хотел только одного: быть полезным на своем месте и активно участвовать в принятии политических решений. В день совершеннолетия Павла в столице все прошло тихо и спокойно.

Прошел год, Павлу стукнуло девятнадцать, и императрица всерьез задумалась о его женитьбе. Во-первых, молодая жена должна была его отвлечь от вредных размышлений о своем положении, а во-вторых... Во-вторых, Екатерина хотела получить внуков. Возможно, уже тогда в голове ее зародилась мысль передать корону старшему внуку через голову сына. Павел раздражал ее своей серьезностью и тем, что явно не одобрял ее внутренней и внешней политики. Ей не дали в свое время заниматься его воспитанием, и вот результат! Порой ей казалось, что этот юноша, которого она

когда-то в муках родила на свет Божий, ей совершенно чужд и даже враждебен. Этот масон, граф Панин, оказал слишком сильное влияние на его мировоззрение, его надо удалить из августейшего дома, разумеется, при этом щедро наградив за службу. Но сначала цесаревича необходимо женить! Авось, семейная жизнь настроит его мысли на более прозаичный и спокойный лад. Где взять невесту? Ну, конечно, в германских княжествах! Только там подрастают самые лучшие девушки. Они красивы, разумны, деловиты, покорны и плодовиты, из них получаются великолепные матери и жены. Совсем не нужно, чтобы семья будущей невесты была очень знатной и влиятельной, но еще важнее личные качества самой невесты. Ей простительно быть красивой, но она не должна быть слишком умной и честолюбивой. О том, что бывает в противном случае, Екатерина знала на примере собственной жизни.

Павлу было все равно. Женитьба так женитьба. Его матушка, как и полагается, взяла все заботы на себя. На нее работали лучшие профессионалы в вопросах подбора невест для европейских королевских дворов – аббат Гийо и барон Оссебург. Именно по рекомендации последнего Екатерина обратила свое царственное внимание на выводок дочерей ландграфини Каролины фон Гессен-Дармштадской. Звали их Амалия-Фредерика, Вильгельмина и Луиза. Все трое на редкость красивы, что было не так уж плохо, но при этом еще умны и талантливы, как докладывал ей в своем

письме барон Фридрих Мельхиор Гримм, ее многолетний корреспондент и известный публицист эпохи просвещения. Это было уже хуже, но Екатерина не вняла тогда предостерегающему ее внутреннему голосу, о чем впоследствии сильно пожалела.

Летом 1773 года фрегат «Святой Марк», которым командовал граф Андрей Разумовский, друг детства цесаревича, прибыл в Санкт-Петербург, на его борту была ландграфиня со всеми дочерьми. Перед этим они побывали, разумеется, в Пруссии на аудиенции у короля Фридриха II. Павлу была предоставлена свобода выбора, и он выбрал Вильгельмину. Девушка очаровала ее своей красотой, живым умом и непосредственностью. Она была рада выйти замуж за наследника российского престола, и ей было нетрудно сделать так, чтобы он влюбился в нее без памяти. Екатерина тоже была довольна. Вильгельмина довольно быстро освоила русскую речь, в середине августа отеклась от лютеранства и крестилась в православие, приняв при крещении имя Натальи Алексеевны.

Великая княгиня Наталья Алексеевна

29 сентября 1773 года состоялось венчание. Павел стал женатым человеком, и его природный суровый нрав, казалось, смягчился под влиянием умной, энергичной и красивой, хоть и капризной, и ветреной молодой супруги. Екатерина с энтузиазмом обустроивала быт новобрачных. Она отвела им уютные комнаты в Зимнем дворце, которые отделала на собственный вкус парчой, бархатом и роскошными персидскими коврами. С этого момента времени граф Никита

Иванович Панин получил почетную отставку. Императрица одарила его более чем щедро, жаловаться ему было не на что.

Цесаревич не мог нарадоваться на молодую жену. Она была скромна и любезна со всеми, демонстрировала ему свою любовь, а он думал лишь о том, как доставить ей радость. Великая княгиня обожала наряды, прогулки, балы, балеты и всевозможные увеселения. Она даже создала свой театр, в котором сама появлялась на сцене в комедиях. В этот период своей жизни Павел был весел и добр со всеми окружающими. Он вел переписку с французским писателем Лагарпом, и прежние мрачные думы оставили его, чему несказанно была рада его матушка-императрица. Впрочем, радость ее длилась недолго. До Екатерины дошли сведения, что Наталья берет в долг деньги у иностранных послов и прочих представителей интересов иноземных государств. Причем деньги берет немалые! А те охотно дают их супруге наследника престола. Это был возмутительный факт, тем более, Екатерина заранее предупреждала невестку, чтобы та не повторяла ошибок молодости своей свекрови, ибо сама она в свое время делала то же самое! Но это было бы еще полбеды, если бы скромница Наталья не оказалась на самом деле честолубивой авантюристкой. Балы балами, но она постоянно внушала своему супругу, что он должен бороться за свою корону, которую мать присвоила незаконно. Когда царице донесли об этом ее осведомители при дворе великих князей, она пришла в ярость. Так вот, какова благодарность ее невестки!

Сколько она, Екатерина, сделала подарков ее бедным дармштадским родственникам, какие огромные деньги на них потратила! Благодаря этой помощи ее сестрицы теперь могут удачно выйти замуж. И она еще теперь замахивается на корону императрицы, думает все сделать тихой сапой. Не выйдет! И Екатерина, ничем не показывая виду, что рассержена на невестку, начала свою игру, в которой главную роль отвела графу Андрею Разумовскому.

Граф Андрей Разумовский

Еще тогда, на фрегате «Святой Марк», где молодой красавец и блестящий офицер был капитаном, он произвел на Вильгельмину неотразимое впечатление. Что там греха таить, она ему тоже понравилась, но разве он мог бы тогда посягнуть на святое – невесту великого князя? Тогда – нет. А сейчас Екатерина тайно вызвала к себе Разумовского и имела с ним продолжительную беседу. Получив от нее

карт-бланш на решительные действия, драгоценный подарок в знак высочайшего расположения и твердые гарантии щедрого вознаграждения за успех сего предприятия в будущем, Разумовский приступил к выполнению щекотливого задания.

Выполнить его было не так уж сложно, учитывая его статус «друга семьи» и полное доверие к нему со стороны Павла. А что касается Натальи Алексеевны, так она сопротивлялась недолго. Вскоре при дворе поползли слухи о слишком нежных отношениях великой княгини с Разумовским. Павел им верить не хотел и считал их происками матери. Когда он спрашивал жену об этом наедине, та опровергала их с гневом и слезами оскорбленной добродетели, и он верил ей, и даже сам начинал просить у нее прощения. Вбить клин в отношения между супругами Екатерине не удавалось, и тогда она поручила Разумовскому начать с великой княгиней любовную переписку. Эти письма должны были стать неопровержимой уликой ее неверности. Граф выполнил и это задание. Теперь Наталья Алексеевна была у нее в руках. Еще немного, и императрица нанесла бы ей неотразимый удар, но тут выяснилось, что великая княгиня беременна.

Это меняло все дело. Наталья носила под сердцем ее внука или внучку. Екатерина прекратила свои атаки на невестку и пригласила ко двору лучшую акушерку – Марию Румянцеву. Та осмотрела великую княгиню и не нашла поводов для беспокойства. Однако же, когда 10 апреля 1776 го-

да начались роды, Румянцева столкнулась с непредвиденными осложнениями. Наталья, промучившись несколько дней, умерла, так и не разрешившись от бремени. Придворные врачи почему-то не решились применить кесарево сечение, а родить сама она не могла из-за врожденной редкой патологии бедра. Злые языки говорили потом, что врачи нарочно уморили великую княгиню в угоду царице. Утверждали также, что перед смертью она попросила одну из своих фрейлин отнести записку и букет цветов Разумовскому. Возможно, что все это были не более чем слухи, которыми, как известно, полнится русская земля. Наталья Алексеевна отдала Богу душу 15 апреля, гроб ее был поставлен в монастыре Святого Александра Невского.

Императрица была в сильной печали, это видели все. Она, впрочем, нисколько не винила ни акушеров, ни врачей, ни барона Оссебурга, который нашел для ее сына не вполне здоровую невесту. Но она затребовала себе все бумаги покойной и с возмущением выяснила, что скромная и милая Натали успела наделать долгов на астрономическую сумму в три миллиона рублей. Все эти долги Екатерине позже пришлось погасить из собственных средств. Обнаружила она среди этих бумаг и любовные письма от Разумовского, письма же самой Натальи были у нее и до этого. Доказательства неверности покойной были налицо, и Екатерина, прихватив их, поехала к сыну, который оплакивал жену в Царском селе. Горе наследника престола было безмерным. Гамлет по-

терял свою Офелию. Он бродил по дворцу словно призрак, не видя ничего вокруг, а губы его шептали полные отчаяния бессмертные строки: «*О, если б ты, моя тугая плоть, могла растаять, сгинуть, испариться! О, если бы предвечный не занес в грехи самоубийство!*»⁶. Когда мать показала ему письма, которые Натали так неосмотрительно хранила в своем личном архиве, у него закружилась голова и затряслись руки. Любовь Павла к жене была страстной и романтической. Разум этого рыцаря без страха и упрека, готового бросить весь мир к ногам дамы сердца, отказывался верить в ее предательство. Но страшные письма были неумолимы, и они точно были написаны рукой его лучшего друга к той, которую он любил больше всего на свете. «*О, женщины! Вам имя – вероломство!*»⁷. Екатерина была раздосадована.

– Возьмите себя в руки, сын мой! – строго сказала она ему. – Помните, что вы правнук Петра Великого. Особы царской крови должны уметь выдерживать любые удары судьбы.

– Матушка, я не могу поверить! – шептал он. – Я же видел, что Наталья любит меня!

– Боже мой! – всплеснула руками Екатерина. – Мой бедный сын, посмотри на себя в зеркало! Неужели ты, в самом деле, думаешь, что молодая красавица могла влюбиться в тебя?

⁶ В. Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт 1, сцена 2

⁷ В. Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт 1, сцена 2

Как ни странно, но эти слова матери, содержащие в себе смесь презрения и жалости, подействовали на него, как холодный душ, отрезвив и успокоив его. Он осознал, что разом потерял и любимую супругу и верного преданного друга. Вернее, он потерял те иллюзии, которые у него были связаны с этими двумя людьми. Что же ему теперь делать? Утонуть в своей горе или, укрепив сердце, жить дальше? *«Достойно ли смиряться под ударами судьбы, или надо оказывать сопротивление?»*⁸ Он ведь не первый и не последний задает себе этот вопрос вслед за Гамлетом. Нет! Больше он не позволит себя никому жалеть. Слезы высохли на его лице, на лбу появились первые борозды морщин, а в волосах – первая седина, но более никто не видел его слабым и униженным. Он остался великодушным к тем, кто предал его: никогда не пытался как-то отомстить Разумовскому и не опустился до каких-либо оскорблений в адрес своей покойной жены. Свою скорбь по ней и по своей первой большой любви он выразил тем, что на собственные средства построил в Санкт-Петербурге Дом инвалидов для раненых русских моряков. Этот дом он посвятил Мальтийскому Ордену.

«Достойно ли смиряться под ударами судьбы, или надо

⁸ В. Шекспир. Гамлет, принц датский. Монолог Гамлета. Акт 3, сцена 1

оказать сопротивление?» – повторил Павел про себя слова датского принца. Нет, он никогда не смирялся под ударами судьбы, не смирится и сейчас, когда очередной удар ему нанесли самые близкие. Видимо, губы его шевельнулись, потому что на него тут же внимательно посмотрел граф фон дер Пален. Этот взгляд генерал-губернатора был хорошо знаком государю: внимательный взгляд мудрого, опытного, все понимающего, умного человека. Взгляд без страха и заискивания, но с готовностью выслушать и помочь. Так на него когда-то смотрел его наставник, граф Панин. Какие интересные беседы они с ним вели обо всем на свете: о великих людях и исторических событиях, о тамплиерах и масонах, об Александре Великом и Орлеанской деве, об алхимии и астрологии. Потом матушка удалила его от двора, и Панин уехал в свое имение. В 1783 году он умер. Слава Богу, теперь у Павла есть граф фон дер Пален, его опора и поддержка. Подумать только, он специально внедрился в ряды заговорщиков, чтобы держать в своих руках все нити заговора и спасти своего императора. Какой достойный и верный человек!

– Вам нравится мой дворец, граф? – задал он ему вопрос, который задавал уже не раз.

Тот не удивился. Павел любил беседы о своем любимом детище, возведенном на месте снесенного Летнего дворца Елизаветы Петровны, построенного самим Растрелли. Эти

разговоры поднимали ему настроение и успокаивали его.

– Он не может не нравиться, государь, – серьезно ответил Пален. – Его архитектура полна строгого изящества, а интерьеры по красоте не уступают Лувру.

– Говорят, что солдату, стоявшему на часах в Летнем дворце, явился призрак, который велел передать Вашему величеству, чтобы на месте дворца был выстроен замок в честь архангела Михаила, – вступил в беседу князь Юсупов.

– Совершенно верно, князь! – подтвердил император легенду, которую сам и выдумал, чтобы оправдать ту поспешность, с которой возводился дворец. – Потому я и назвал его Михайловским.

– Это было мудрое решение, государь, – тихо сказал граф Пален.

Павел благодарно посмотрел на своего генерал-губернатора, который был одним из трех человек, кому он доверял всецело. Двое других были Алексей Аракчеев и Федор Ростопчин. Был у него в юности еще один такой друг, но он предал его.

Граф Андрей Кириллович Разумовский, блестяще выполнил свою задачу. Он был щедро награжден Екатериной, по-

сле чего для отвода глаз был сослан ею поначалу в Ревель, потом в отцовское имение, а с начала нового 1777 года она его назначила на завидный пост российского посланника в Неаполь. Там он вел красивую жизнь под ласковым итальянским солнцем, нисколько не сожалея о том, какую неблагоприятную роль сыграл в поставленном императрицей спектакле, и ему даже удалось влюбить в себя до беспамятства супругу неаполитанского короля Фердинанда I. Впрочем, на этот раз сила его мужского обаяния послужила внешнеполитическим интересам России, которая получила военно-морскую базу в Сицилии.

Павел оставался вдовцом недолго. Практически сразу же после смерти Натальи Алексеевны находившийся в это время в России Фридрих Генрих Людвиг Прусский, младший брат Фридриха Великого, получил от Екатерины карт-бланш в выборе для Павла новой невесты. Разумеется, этот брак должен был обеспечить прочный мир и добрососедские отношения России с Пруссией. София Доротея фон Виттенберг-Монбельяр, внучатая племянница принца Генриха, казалась ему идеальной кандидатурой. По его приглашению София Доротея приехала вместе с матерью в Берлин, где имела продолжительную беседу с королем. Дядюшка Фридрих инструктировал ее, как это он некогда проделал с крошечной Фикхен, ставшей теперь всесильной властительницей огромной империей.

Король Пруссии Фридрих Второй

Там же, в Берлине, в это время по личному приглашению его величества короля Пруссии находился и цесаревич. Фридрих принял его ласково, по-отечески. Павел с огромным уважением смотрел на человека, который был кумиром его отца, и тот сумел оправдать его доверие, поскольку был прекрасным психологом. Он ни словом не обмолвился о неприятной истории с Натальей, но дал понять Павлу, что поддерживает его в противостоянии с матерью и глубоко чтит его отца.

– Ваш отец, – сказал он, – был хорошим государем и проявлял необыкновенные способности во всем, что касалось построения вооруженных сил.

Павлу эти слова очень понравились. Он и раньше чувствовал, что на его отца возводили поклеп, и вот теперь сам Фри-

дрых Великий подтвердил это.

– Ваше Величество, я своего отца почти не знал, – ответил он королю, – но я тоже нахожу, что он был достойным государем.

Король на самом деле, был невысокого мнения о Петре Третьем, но он посчитал правильным подыграть Павлу, который был им совершенно очарован. Цесаревич в порыве откровенности выложил дядюшке Фридриху все, что накопилось у него на душе. Он пожаловался, что мать не любит его, не принимает всерьез его прожекты, ему не позволяют играть никакой роли в управлении страной, и он всерьез опасается, что Екатерина собирается в будущем лишить его короны. Фридрих выслушал его, казалось, с неподдельным сочувствием.

– Вы сын Петра Гольштинского, – сказал он Павлу с большим чувством, – а потому я считаю вас своим сыном. Верьте мне, мой мальчик, и всегда рассчитывайте на мою поддержку.

– Спасибо, Ваше Величество! – горячо откликнулся на эти слова Павел.

– Послушайте мой отеческий совет, сын мой, – продолжал король, – не пытайтесь ничего предпринимать против вашей матушки, упаси вас Бог принять участие в каком-нибудь за-

говоре и дать возможность вашим недругам обвинить вас.

Кто были эти недруги, они прекрасно понимали оба. Первейшим из них был князь Григорий Потемкин, фаворит императрицы, с которым она познакомилась в день государственного переворота. К моменту этого разговора Потемкин был всесилен. Придворные прозвали его Циклопом за то, что он был одноглазым и свирепым. Влюбленная Екатерина осыпала его своими милостями, и он открыто насмеялся над великим князем, который ненавидел его со всей страстью своей пылкой души.

– Найдите свое счастье в браке, сын мой, – говорил, между тем, король, – и живите спокойно и достойно вдали от дворцовых интриг. Ваше время еще придет! А пока позвольте мне порекомендовать для вас девушку, которая, я уверен в этом, сумеет составить вам счастье.

Фридрих Великий имел в виду Софию Доротею, ставшую чуть позже великой княгиней Марией Федоровной. Мудрый король оказался прав. Эта добрая и чистая во всех отношениях девушка сумела сделать Павла счастливым в личной жизни. Любовь к ней Павла отличалась от его любви к Наталье, как широкая полноводная и величественная река отличается от неистовой горной речки с ее шумными бурлящими потоками и безумно красивыми, но опасными для жизни во-

допадами. Мария Федоровна стала ему верной, терпеливой и любящей женой, залечила его сердечные раны, а его брак с ней стал для него той благословенной и тихой гаванью, где он мог отныне укрываться от невзгод и житейских бурь.

Не прошло и четырнадцати месяцев после заключения брака, когда супруга подарила Павлу сына. В тот день, когда родился первенец, великий князь горячо молился о том, чтобы Марию Федоровну не постигла страшная участь его первой жены, но все обошлось. Его матушка присутствовала при рождении своего внука, а когда он, наконец, появился на свет, подняла его на своих руках и объявила, что нарекает его Александром, мысленно про себя прибавив, что этот ребенок наследует за ней корону российской империи. Екатерина была настолько рада, что даже удовлетворила просьбу невестки о ежегодном пансионе для ее родителей, которые находились в крайне затруднительном материальном положении.

Впрочем, великая княгиня Мария Федоровна вполне заслуживала снисходительного к ней отношения императрицы. Во-первых, она родила ей внука, про которого никто никогда не посмеет сказать, что он незаконнорожденный. О ее верности и преданности супругу знали все. Во-вторых, она не была столь расточительна, как Натали, и не залезала в долги. В-третьих, она не подстрекала Павла к интригам против матери и вообще не хотела, что он боролся за власть. Светская жизнь ей также была не интересна. Мария Федоровна

окружила себя людьми искусства. Около нее всегда были поэты, писатели, драматурги, театральные деятели и даже актеры. Великая княгиня устраивала в Павловске спектакли, на которых обязательно присутствовал ее муж, и она внимательно следила за его реакцией. Она хотела, чтобы он отвлекся от своих дум о государстве, об отце, о жестокой крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева, называвшего себя Петром Третьим, о политических и военных реформах, а также о том, что мать не принимает его всерьез.

Какие бы прожекты он не приносил государыне, она ко всему относилась с презрительной усмешкой. Павел считал, что планы императрицы, которые касались увеличения империи за счет Турции и воссоздания Византии, не принесут государству ничего, кроме вреда. Территория и так уже слишком обширна, чтобы ею можно было эффективно управлять. А потому государыне следует обратить свой взор на внутренние дела, надо проводить реформы, а не заниматься все новыми и новыми завоеваниями. Но его никто не хотел слушать, а если слушали, то только для того, чтобы в угоду царице поднять на смех. После того, как он бывал при дворе, его частенько душил бессильный гнев против этой ненавистной ему, алчной и беспринципной, придворной камарилы, и Марии Федоровне приходилось его умирять и успокаивать.

Между тем, у нее у самой на душе «скребли кошки» от того, что императрица забрала себе их сына. В конце апреля

1779 года великая княгиня родила второго сына, и Екатерина вновь пришла в восторг, забрала и этого внука, дала ему имя Константин. Ему она прочила престол возроденной Византии. Потому кормилицами для новорожденного стали гречанки, и первой в своей жизни младенец слышал греческую речь. Никто не спрашивал родителей, чего они хотят для своих детей. Екатерина объявила Павла и Марию никчемными и полными предрассудков, родителями, и сама с энтузиазмом принялась воспитывать внуков по собственной программе. По общему мнению, она в этом преуспела, но Павел считал, что сыновей у него попросту украли, его жена тоже полагала, что императрица поступает с ними жестоко.

Наступило время десерта. Наблюдая за тем, как сноровисто слуги расставляют на столе чайный сервиз, Мария Федоровна вдруг вспомнила тот уютный вечер в Париже, когда она, будучи великой княгиней, была приглашена вместе с Павлом на дружеский ужин к королевской чете. Как и сегодня, в тот день, горели свечи, лакеи в ливреях проносились бесшумными тенями, играли придворные музыканты, и ничто не предвещало беды. Очаровательная молодая королева Мария-Антуанетта была весела и беззаботна, хлопала в ладоши, смеясь над шутками Павла. Людовик тоже был очень

мил и добродушен. И вот теперь, подумать только, их больше нет! Они обезглавлены на гильотине под свист и улюлюканье озверелой толпы парижской черни. А они с Павлом пока живы. Но что теперь будет с ними, известно лишь Всевышнему.

Это она сама в 1781 году, чтобы развеяться, предложила супругу посетить ее родной Монбельяр и Этюп, а перед этим побывать в Вене, в Берлине и других городах Европы. Павел пришел от этой перспективы в восторг. Но разрешит ли им это длительное путешествие его матушка? Екатерина разрешила, но настояла, чтобы они путешествовали не под своими настоящими именами, а под псевдонимами. Как назваться? Да хотя бы граф и графиня Норд, то есть «Северные». Они согласились, и в сентябре 1781 года чета великих князей в сопровождении многочисленной свиты, в которую входили князь Куракин, мадам Бенкендорф, офицер флота Сергей Плещеев, князь Юсупов и любимая фрейлина великой княгини Екатерина Нелидова, покинули Санкт-Петербург.

Путешествие по Европе графа и графини Норд было серьезным событием для Европы. Разумеется, вымышленные имена великих князей никого не могли обмануть. Они побывали в Польше, у короля Станислава Августа Понятовского, бывшего возлюбленного Екатерины. Потом была Австрия, где император Иосиф Второй лично встречал их так,

как будто они были августейшей четой. Австрия была в восторге от великих князей, от их простоты, благородства, справедливости, образованности и широких познаний, а они были в восторге от Австрии и от ее императора. Во всех городах их встречали салютами, балами, представлениями.

В Вене в их честь был дан роскошный ужин и парад, специально для Павла были организованы военные учения. Желая сделать Марии Федоровне приятный сюрприз, император пригласил в Вену ее родителей и сестру, пятнадцатилетнюю Елизавету, которую просватал за своего племянника, эрцгерцога Франциска Тосканского. Иосиф Второй хотел дать в Вене «Гамлета», зная, что это любимая пьеса Павла, но великий князь, прекрасно зная, какова будет реакция матери, попросил этого не делать. Это был бы демарш, из ряда вон выходящий, против императрицы. Один из актеров, занятых в спектакле, в присутствии императора заметил, что Гамлету на сцене будет трудно играть, когда в зале будет сидеть Гамлет настоящий. Иосиф щедро наградил остроумного актера, выдав ему полсотни дукатов, и отменил спектакль. Ну что ж, запрет Екатерины на эту пьесу свидетельствовал именно о том, что с ее, якобы умершим от «геморроидальных колик», супругом дело было не чисто. Как сказал Горацио, *«Больной душе и совести усталой во всем беды мерещится начало. Так именно утайками вина разоблачать себя осуждена»*.⁹

⁹ В. Шекспир. Гамлет, принц датский. Акт 4, сцена 5

Из Австрии великие князья поехали в Италию, где, несмотря на зиму, прозрачное небо, яркое солнце и теплые волны Средиземного моря могли быстро прогнать любую хандру. Они посетили Неаполь, Флоренцию, потом прибыли в Венецию, восхитившую Павла своими каналами, по которым скользили изящные гондолы, бесчисленными мраморными мостами и по-восточному богато украшенными дворцами. Затем граф и графиня Норд направились в Вечный город. Величественный и прекрасный Собор Святого Петра в Риме взволновал Марию Федоровну, а Павла натолкнул на мысль о необходимости объединения всех религий. Влияние на него масонских идей, которые высказывал граф Панин, было по-прежнему велико. Они осмотрели Колизей, Капитолий и Пантеон, потом направились в Ватикан, где в базилике Святого Петра им дал аудиенцию Римский папа Пий VI. Папа был ласков с ними, поцеловал Павла в обе щеки и в шутку назвал его «моим дорогим раскольников».

В Неаполе они попали на карнавал, который проходил как раз в это время года. Феерический праздник ошеломил Марию Федоровну, но у Павла было испорчено настроение после того, как он повстречал здесь графа Разумовского, русского посла в Неаполе, крутившего любовь с неаполитанской королевой Марией-Каролиной, родной сестрой Марии-Антуанетты. Видя, что перед внутренним взором мужа вновь ожили горькие картины прошлой трагедии, Мария Федоровна поспешила увезти его из Неаполя в Ливорно, Парму, Ми-

лан, Турин, затем они пересекли Альпы и прибыли во Францию.

В Париж они приехали 18 мая 1782 года и отправились прямым путем во дворец к князю Барятинскому, послу России во Франции, переживавшей в это время мощную волну симпатии и интереса ко всему, что связано с Россией. На второй день после приезда их со всей возможной торжественностью приняли король Франции Людовик XVI и его очаровательная супруга Мария-Антуанетта.

Королева Франции Мария-Антуанетта

Они понравились друг другу. Вечером обе пары собра-

лись за дружеским ужином в главном кабинете дворца, и там Павел впервые услышал о мрачных пророчествах Мишеля Нострадамуса на 1792 год. В катренах Нострадамуса недвусмысленно говорилось о страшном народном бунте, гонениях на христианскую церковь, зареве пожаров над Парижем, гибели короля от рук палача. Поразительно было то, что в катренах назывались конкретные имена тех людей, которые действительно в тот момент занимали во Франции высокие должности – Нарбонн и Солк. Пройдет время, и Павел вспомнит этот вечер, когда в предсказанный год разразится великая и кровавая французская революция, короля предаст его военный министр граф Нарбонн, а Людовик и Мария-Антуанетта сложат свои головы на эшафоте.

После Франции супруги посетили Нидерланды, а потом направились в родной для Марии Федоровны Монбельяр, где провели счастливый месяц. Возвращались домой вновь через Австрию. Фридрих Второй приглашал их посетить Пруссию, но Павел побоялся нарушить запрет матери: бывшая протеежка дядюшки Фридриха не благоволила более королю Пруссии. Милая и приветливая Фикхен окончательно исчезла, превратившись во властную государыню Екатерину Великую.

Чета великих князей возвращалась в Санкт-Петербург, и чем ближе они подъезжали к столице, тем все более Павлом овладевала хандра. Его тревожила встреча с матерью, которая могла поставить ему в вину его слишком откровен-

ные высказывания о ней в Вене и в Париже. С какой торжественностью их встречали в европейских столицах! Какое подчеркнутое уважение проявляли к нему лично правители европейских государств и сам римский папа! Все это было разительным контрастом к тому пренебрежению, с которым он сталкивался при российском императорском дворе. Опять начнется этот шепот со спиной, эти кривые усмешки и наглые ухмылки, князь Потемкин будет презрительно косить на него своим единственным глазом, а императрица с подчеркнутой холодностью будет отчитывать его, как мальчишку.

Мария Федоровна, как могла, старалась успокоить и развеселить мужа, сама она была рада, что вновь увидит своих сыновей. Но когда они вернулись, от императрицы досталось в первую очередь именно ей. Государыня проверила счета, полученные великой княгиней от мадемуазель Бертэн, личной модистки Марии-Антуанетты, и пришла в негодование от расточительности своей невестки. У тихой и скромной великой княгини Марии, как выяснилось, были вовсе не скромные запросы: она привезла с собой двести коробок всевозможных кружев, помпонов, вышивок и газовых тканей! Королева Мария-Антуанетта была большой модницей и транжирой, это в Европе знали все. Но здесь не Франция! Екатерина приказала в течение трех дней все коробки отправить обратно в Париж.

Шло время, и в семье великих князей появлялись новые

дети: Александра, Елена, Мария, Екатерина, Анна, Николай. Михаил появился на свет уже в императорской семье. Маленькая Оля умерла в раннем детстве, но все остальные великие княжны были здоровыми и крепкими детьми, которые превращались в красивых и умных девушек, желанных невест для королевских семей Европы. Все они впоследствии стали хорошими женами для своих августейших мужей и были любимы народами своих государств.

Мария Павловна вышла замуж за великого герцога Карла Фридриха Саксен-Веймар-Эйзенахского, родила ему четверых детей, а в числе ее правнуков будет последний кайзер Германии Вильгельм II. Веймар она превратила в центр европейской культуры и стала покровительницей великого Гете.

Анна Павловна стала супругой принца Оранский, наследника престола в Нидерландах и родила ему пятерых детей, но перед этим ее руки просил сам Наполеон Бонапарт. В 1840 году Анна стала королевой Нидерландов. Она была умна, добра и приветлива, покровительствовала искусствам, строила на свои деньги приюты для сирот, сохранила православную веру. Во время Крымской войны, которую вела Россия уже при императоре Николае Первом, королева на личные средства доставляла на родину перевязочные пакеты для полевых госпиталей. Когда она ушла из жизни, благодарные голландцы дали ее имя одному из больших муниципалитетов в провинции Северная Голландия.

В июне 1796 года родился сын Николай, которому суждено было стать императором Николаем Первым. В отличие от Александра и Константина, бабушка не занималась его воспитанием, поскольку она умерла, когда Николаю не было и года. Воспитателем Николая и Михаила стал генерал М. И. Ламздорф, который привил великому князю любовь к порядку, дисциплине и военному делу. Когда в 1825 году случилась попытка дворянского военного путча, которое вошло в историю как «Восстание декабристов», грозившее свергнуть Россию в пучину кровавого хаоса, новый государь решительно подавил его, после чего казнил всего лишь четверых главных заговорщиков и одного убийцу боевого генерала. После этого Николай повел твердую внутреннюю политику: усилил государство, искоренял гнилой либерализм, навел железный порядок в армии, провел кодификацию права, способствовал появлению Свода законов Российской империи, существенно облегчил положение крестьянства. Его суровый, но справедливый и отходчивый характер был унаследован им от его благородного отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.